

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР СУДА: ПРИ КАКОМ УСЛОВИИ ОН СПРАВЕДЛИВ?

© 2020 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 22.04.2020 г.

Аннотация. Рассматриваются правовое регулирование, а также решения Конституционного Суда РФ, определяющие возможность вынесения судом обвинительного приговора о смертной казни как исключительной меры наказания. Анализируются и критически оцениваются аргументы противников наказания в виде смертной казни. Делается вывод о том, что единственной причиной, не допускающей вынесения судом смертного приговора в исключительных случаях, категорически поддерживаемых обществом, является отсутствие механизма обеспечения получения и фиксации абсолютных доказательств вины подсудимого, исключающих судебную ошибку. Предлагаются контуры такого механизма.

Ключевые слова: судебный приговор, смертная казнь, доказательства, подсудимый, судебная ошибка.

Цитирование: Клеандров М.И. Смертный приговор суда: при каком условии он справедлив? // Государство и право. 2020. № 8. С. 7–15.

DOI: 10.31857/S102694520011031-5

DEATH SENTENCE OF THE COURT: UNDER WHAT CONDITION IS IT FAIR?

© 2020 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 22.04.2020

Abstract. Legal regulation, as well as decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation that determine the possibility of a court conviction on the death penalty as an exceptional measure of punishment are considered. The arguments of opponents of the death penalty are analyzed and critically evaluated. It is concluded that the only reason that does not allow the court to impose the death sentence in exceptional cases, categorically supported by society, is the lack of a mechanism to ensure the receipt and recording of absolute evidence of the defendant's guilt, excluding judicial error. The outlines of such a mechanism are suggested.

Key words: court verdict, the death penalty, the evidence, the defendant, a miscarriage of justice.

For citation: Kleandrov, M.I. (2020). Death sentence of the court: under what condition is it fair? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 7–15.

Справедливость или несправедливость судебного приговора, и в особенности с назначением смертной казни, не может не вызывать дискуссий. Все-таки речь идет о человеке, гражданине, а в принципе, можно сказать: о нас с Вами. Доводов как за, так и против, приведено — за немалый срок — множество, как в Российской Федерации, так и в зарубежных государствах, как содержательно-убедительных, так и поверхностно-эмоциональных.

Как известно, сегодня смертная казнь законодательно предусмотрена и реально применяется в 71 государстве, чаще всего в КНР, Иране и Саудовской Аравии. При этом в год во всем мире во исполнение судебных приговоров казнят от одной до полутора тысяч осужденных. Обвинительные приговоры с назначением смертной казни приводятся в исполнение в большом промежутке времени: от нескольких дней до нескольких лет со дня их вынесения. И те государства, где они выносятся и приводятся в исполнение, нельзя назвать отстающими в развитии (во всем диапазоне смыслов, вкладываемых в это понятие), во всяком случае относительно США, КНР, Республики Беларусь, Республики Сингапур..., при этом в тех же США смертные приговоры приводятся в исполнение подчас спустя долгие годы после их вынесения. Но одновременно в США отмененная в некоторых штатах смертная казнь вскоре по разным причинам была восстановлена (не во всех, где она отменялась).

В то же время, напротив, за рубежом наметился противоположный процесс — отмена смертной казни как вида уголовного наказания за тяжкие преступления. Совсем недавно, например, в Саудовской Аравии — 26 апреля 2020 г. — была отменена смертная казнь в отношении тех, кто был осужден за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, она заменяется там на тюремное заключение в центрах несовершеннолетних, и при этом срок наказания не будет превышать 10 лет. А в Республике Чад 29 апреля 2020 г. в соответствии с антитеррористическим Законом 2015 г. отменили смертную казнь и для террористов, совершивших теракты в столице государства Нджамене.

Однако нельзя не обратить внимания на то, что есть государства, где судебные процессы, окончившиеся смертным приговором, проводились через программу для видеозвонков Zoom. Например, недавно суд в Сингапуре приговорил человека к смертной казни через программу для видеозвонков Zoom, о чем сообщила газета "The Guardian". По информации издания, 37-летнего гражданина Малайзии приговорили к высшей мере наказания за участие в контрабанде наркотиков в 2011 г. Как уточнили в суде, вердикт оглашался в интернете

«для безопасности всех, кто участвует в судебном процессе». Карантинные меры, введенные из-за пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, действуют в Сингапуре с апреля 2020 г. Важные дела там рассматривают дистанционно, остальные дела откладывают. Ранее смертный приговор через Zoom впервые постановил суд Нигерии. Винового наказали за убийство матери своего работодателя. Онлайн-слушание длилось около трех часов, при этом судья находился в Высоком суде Лагоса, подсудимый — в тюрьме строгого режима Кирикири, а адвокаты и генеральный прокурор присоединились к заседанию из других мест¹.

В Российской Федерации, как известно, широко применялось помилование осужденных к смертной казни: с 1993 по 1999 г. таковых было 1153, из них 873 — смертная казнь была заменена пожизненным лишением свободы, остальным — лишением свободы на срок 25 и 15 лет с отбыванием наказания в исправительных учреждениях со строгим режимом. 3 июня 1999 г. Указом Президента РФ (№ 698)², начинавшемся словами: «Руководствуясь принципами гуманизма, постановляю помиловать...», были поименно помилованы 703 приговоренных к тому времени к высшей мере наказания.

Ныне в Российской Федерации смертная казнь как наказание предусмотрена пятью составами преступлений, регламентированных УК РФ (ст. 59, которая так и именуется «Смертная казнь», а ей корреспондирует разд. 7 «Исполнение наказания в виде смертной казни» УИК РФ, включающий гл. 23 с тем же названием). Но реально смертные приговоры судами не выносятся уже более 20 лет — во исполнение двух известных, ниже проанализированных постановлений Конституционного Суда РФ. И категорически заявить, что в Российской Федерации возраст к смертной казни по суду невозможен, нельзя. Общественное же мнение по этому обстоятельству неустойчивое, колеблющееся, но в целом сторонников ее значительно больше, чем противников. В любом случае разница в этих количественных показателях напрямую зависит от формулы задаваемого вопроса, а также — от времени, прошедшего после ставшего известным дикого по жестокости по отношению к жертве (жертвам) преступления (острота восприятия со временем забывается, а эмоциональная оценка преступления, соответственно, притупляется).

Тем не менее, если не считать справедливым самосуд, каково может быть требование общества к суду в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений — убийства, совершенного с особой жестокостью; после длительных пыток;

¹ См.: Сайт «Право.ру» (дата обращения: 21.05.2020).

² В официальных источниках не публиковался.

совершенного с многократными и в извращенной форме изнасилованиями; с последующим расчленением трупа... Особенно, если жертвами таких преступлений являются несовершеннолетние. Известен случай обнаружения после длительных поисков трупа пятилетней девочки, зверски изнасилованной и задушенной, у которой была обнаружена прядь седых волос... А многочисленных убийств захваченных террористами заложников, равно — многочисленных жертв вследствие террористического акта?

Российская Федерация состоит из большого количества субъектов, в которых проживают разные группы граждан: немало имеется различий конфессионального, языкового, гендерного, возрастного, идеологического, имущественного и т.д. толка. Но в целом восприятие справедливости вообще и в отношении ожиданий и требований справедливости от суда при вынесении приговоров по выше обозначенным преступлениям — оно общее!

А ведь в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции РФ единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Что непосредственно относится к законодательной ветви государственной власти, формирующей в т.ч. законодательство об уголовной ответственности, включая смертную казнь, за выше обозначенные особо тяжкие преступления, и к судебной ветви государственной власти, выносящей приговоры на основе этого законодательства.

Какovy, обобщенно (и, естественно, в определенной мере поверхностно), доводы противников смертной казни по суду? С точки зрения автора этой статьи, они заключаются в следующем.

1. Нужно и к преступникам проявлять гуманизм. Нужно, он и проявляется, во всяком случае в Российской Федерации количество «сидельцев» в местах лишения свободы буквально за последние 10 лет сократилось почти вдвое. Но это вообще, а относительно смертной казни ситуация еще гуманнее: ч. 1 ст. 59 УК РФ установила: «Смертная казнь как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь». И в УК РФ есть пять составов преступлений, за которые она может быть назначена: «Убийство», «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» и «Геноцид». Для сравнения: в УК РСФСР таких деяний было 33 — за шпионаж, измену Родине, диверсию, бандитизм, фальшивомонетничество, хищение государственного имущества и т.д., и около половины из указанного числа — за преступления,

связанные с военной службой в боевой обстановке. Но речь-то идет о справедливом правосудии в отношении к совершившим особо тяжкие преступления, и проявить к ним гуманизм — значит проявить крайне негуманное отношение к родным и близким жертв этих преступлений. А значит — и к обществу, переворачивая с ног на голову сложившиеся в нем представления о справедливом правосудии. К марту 2020 г. в Российской Федерации отбывали в восьми исправительных колониях для приговоренных к пожизненному лишению свободы 1993 заключенных, в т.ч. приговоренных к смертной казни и позже помилованных (имеющих право подать ходатайство об условно-досрочном освобождении через 25 лет, таких уже почти 300, но ни одно такое ходатайство судом пока не удовлетворено).

2. Государство и общество не давали преступнику жизнь, а значит — не государству и обществу посредством суда ее у преступника отбирать. Да, зачат был преступник при участии двух людей без какой-либо помощи государства и общества, это верно. Но вот его дальнейшая жизнь без государственных и общественных институтов вряд ли бы состоялась: без дошкольного и школьного образования, без воспитания не только родителями, но иными участниками этого процесса в лице образовательных, внешкольных, спортивных и т.п. учреждений, без медицинской помощи, медицинских учреждений... Любой человек, в т.ч. преступник, живет в социуме, и, обезвреживая преступника, государство и общество защищают таким образом других членов социума. А любая безнаказанность, чем бы она ни оправдывалась, весьма чревата... Государство и структурированные общества естественным — в историческом плане — образом и образовались прежде всего для защиты своих граждан, в т.ч. и от посягательств иных своих граждан (равно от неграждан по возрасту, от недееспособных, от граждан иностранных государств, от лиц без гражданства...). А иначе зачем оно — такое государство, своих граждан не защищающее и не охраняющее?

3. Приговор к смертной казни приводит в исполнение человек, который не давал жизнь убиваемому им человеку — не он давал, не ему убивать... Довод слабый и много раз оправдываемый: а как поступать защитникам Родины в военных действиях, в контртеррористических операциях, при освобождении заложников и т.д.? По сути, этот довод — беспредметен.

4. Наказание судом в виде смертной казни и исполнение такого приговора не приводит к сокращению числа тяжких и особо тяжких преступлений, а значит, превенция и профилактика не осуществляются. Здесь логика подсказывает:

лишенный жизни по приговору суда уже никогда не выйдет на свободу (что, в принципе, не исключается даже в отношении приговоренных к пожизненному заключению), ни находясь в пенитенциарном учреждении — не сможет совершить нового преступления. Известна ведь сравнительно недавняя история, когда освобожденный из мест заключения педофил незамедлительно изнасиловал и убил девятилетнюю девочку Лизу в г. Саратове, а ведь убийца — Михаил Туватин — был ранее судим за изнасилование, разбой и насильственные действия сексуального характера. Приговоренному в апреле 1993 г. к расстрелу Геннадия Тебенкову смертная казнь была заменена 25 годами лишения свободы. Освободившись в 2016 г. условно-досрочно, он 4 августа 2019 г., встретив на улице семилетнюю девочку, надругался над ней...

5. Выносить судом приговор в виде наказания к смертной казни запретил Конституционный Суд РФ. Это не совсем так. К проблеме смертной казни Конституционный Суд РФ обращался несколько раз.

Впервые он высказался по этому вопросу в постановлении от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан»³.

В п. 4 этого постановления Конституционный Суд РФ отметил, что в соответствии со ст. 20 (ч. 2) Конституции РФ смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей. Опираясь на что, в п. 9 данного постановления Конституционный Суд РФ сформулировал следующие базовые — по вопросу смертной казни — позиции: «наказание в виде смертной казни на всей территории Российской Федерации далее может назначаться лишь при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение их дел судом с участием присяжных заседателей. Невозможность обеспечить каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом установлено наказание в виде смертной казни, реализацию данного права, непосредственно

закрепленного Конституцией Российской Федерации, влечет за собой и невозможность в таком случае назначения этой меры наказания иным составом суда»; «с момента вступления в силу настоящего Постановления Конституционного Суда Российской Федерации и до введения в действие федерального закона, реально обеспечивающего на всей территории Российской Федерации в любой из возможных форм организации судопроизводства каждому обвиняемому в преступлении, за совершение которого федеральным законом установлено наказание в виде смертной казни, права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей, эта исключительная мера наказания назначаться не может, независимо от того, каким составом суда рассматривается дело — судом с участием присяжных заседателей, коллегией в составе трех профессиональных судей или судом в составе судьи и двух народных заседателей»⁴. Эта же формула была воспроизведена в п. 5 резолютивной части названного постановления Конституционного Суда РФ.

Чуть позже можно зафиксировать всплеск интереса к проблеме смертной казни в отечественной юридической науке — монографической⁵, в виде сборника статей⁶, диссертационной⁷ и проч.⁸

Официально разъяснил указанный п. 5 резолютивной части Постановления от 2 февраля 1999 г. Конституционный Суд РФ в Определении от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, где в п. 1 резолютивной части указал: «Положения пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс,

⁴ См.: СЗ РФ. 1999. № 6, ст. 867.

⁵ См., напр.: *Михлин А.С.* Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000; *Шелкопляс Н.А.* Смертная казнь в России: история становления и развития (IX — середина XIX в.). Минск, 2000; *Шильцов С.В., Малько А.В.* Смертная казнь в России. История. Политика. Право. М., 2003.

⁶ См.: *Право на смертную казнь: сб. ст. М., 2004.*

⁷ См.: *Хоменко Н.Н.* Проблемы конституционно-правовой регламентации смертной казни в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

⁸ В форме, в частности, научных статей (см., напр.: *Кашенов В.П.* Правовой режим смертной казни как исключительной меры уголовного наказания // *Право на смертную казнь: сб. ст. С. 138–147).*

³ См.: СЗ РФ. 1999. № 6, ст. 867.

направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер (“впредь до ее отмены”) и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации, означают, что исполнение данного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей»⁹.

Анализ этих двух решений Конституционного Суда РФ (хотя, по мнению автора данной статьи, с некоторыми спорными положениями) приведен в отдельной главе «Преодоление правовой неопределенности в применении смертной казни как фактор защиты прав человека» монографии В.А. Терехина, посвященной судебному механизму обеспечения прав и свобод человека¹⁰.

Трижды обращался к данному вопросу Конституционный Суд РФ в 2010 г. — в Постановлении от 19 апреля 2010 г. № 8-П¹¹ (п. 2.2), в Определении от 6 июля 2010 г. № 939-О-О¹² и в Определении от 9 ноября 2010 г. № 1536-О-Р¹³, где фактически подтверждал свои прежние позиции, отвечая на запросы обращающихся к нему заявителей.

Последним по времени обращением Конституционного Суда РФ к вопросу смертной казни по суду является Постановление от 15 ноября 2016 г. № 24-П по делу о проверке конституционности п. «б» ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан — оспариваемым нормами регулировался, в частности, режим отбывания наказания лицами, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы в порядке помилования. В п. 4 этого Постановления закреплено: «Пожизненное лишение свободы выступает в качестве наиболее строгой из всех в настоящий момент реально возмозжных мер наказания за наиболее опасные виды преступлений (согласно части первой статьи 57 УК РФ — за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой

неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста), что предполагает и наибольший комплекс ограничений прав и свобод для лиц, их совершивших. Соответственно, установление для осужденных к пожизненному лишению свободы более длительного (по сравнению с осужденными к определенным срокам лишения свободы) периода строгих условий отбывания наказания направлено на дифференциацию условий отбывания наказания с учетом характера совершенных преступлений и строгости назначенного за них наказания и как таковое создает предпосылки для достижения целей наказания»¹⁴.

Таким образом, можно сформулировать вывод: Конституционный Суд РФ прямо не говорил об исключении из федерального законодательства положений в судебном приговоре к наказанию в виде смертной казни как исключительной мере наказания. Развернуто об этом сказано в п. 2.1 обозначенного выше Определения от 9 ноября № 1536-О-Р: «Что касается вопроса о конституционности установления федеральным законом исключительной меры наказания, то он не являлся предметом обращения в Конституционный Суд Российской Федерации и, соответственно, предметом его рассмотрения в деле, по которому вынесено Постановление от 2 февраля 1999 года № 3-П, равно как и вопрос о назначении и исполнении смертной казни в связи с подписанием Российской Федерацией 16 апреля 1997 года Протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Вместе с тем, давая официальное разъяснение данного Постановления в Определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р, Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что Российская Федерация связана требованием статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров не предпринимать действий, которые лишили бы подписанный, но не ратифицированный ею Протокол № 6 его объекта и цели; выполнение этого обязательства возлагается на государство в целом и может быть реализовано в любой форме, основанной на принципах разделения властей, согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти.

Поскольку как неназначение наказания в виде смертной казни, так и его неисполнение в равной мере соответствует требованиям статьи 18 Венской конвенции о праве международных договоров (что и отражено в Определении от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р), обязательства Российской Федерации после подписания Протокола № 6 обеспечивались сначала заменой смертной казни в порядке помилования, осуществляемого Президентом Российской Федерации (статья 89, пункт “в”,

⁹ См.: Росс. газ. 2009. 27 нояб.

¹⁰ См.: Терехин В.А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика. М., 2013.

¹¹ См.: СЗ РФ. 2010. № 18, ст. 2276.

¹² См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 2.

¹³ См.: там же.

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2016. № 42, ст. 5991.

Конституции Российской Федерации), другим наказанием, не связанным с лишением жизни, а затем — в соответствии с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П, установившим запрет на назначение наказания в виде смертной казни, — и ее неназначением в качестве наказания. На это неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации при рассмотрении обращений, поступавших от лиц, которым уже после 16 апреля 1997 года вынесенное судом наказание в виде смертной казни заменялось в порядке помилования пожизненным лишением свободы и которые ссылались не только на Конституцию Российской Федерации, но и на Протокол № 6 (определения от 15 мая 2007 года № 380-О-О, от 19 июня 2007 года № 592-О-О, от 15 января 2009 года № 276-О-О).

7. Для осужденного к пожизненному заключению условия содержания столь невыносимы, что они предпочли бы, чтобы их расстреляли. Это верно, может быть, лишь для очень немногих. В 50-х годах прошлого века, когда смертную казнь отменили (люди старшего поколения это хорошо помнят), в местах лишения свободы, где содержали «смертников» до приведения приговора в исполнение, как и приговоренных к 25 годам лишения свободы, резко возросло число тяжких преступлений, в т.ч. в отношении сотрудников колонии. Преступники — бывшие «смертники» и осужденные к 25-летнему сроку — вскоре после «засиливания» их приговора рассуждали так: впереди 25 лет срока, и какое бы я преступление не совершил, больше все равно не дадут, а так я «отведу душу», укреплю свой авторитет среди заключенных... Суть в том, что свою жизнь они ценили и при сохранении смертной казни не рискнули бы совершить преступление, за которое могло бы последовать лишение их жизни.

Есть здесь и другая сторона — мнение родителей и близких жертв преступлений этих «пожизненников»: неудовлетворенная жажда справедливости здесь значительно возрастает от ощущения несправедливости парадокса: преступника, которому нельзя, по их мнению, жить, нужно государству содержать, в т.ч. и за счет налогов, выплачиваемых родными и близкими жертвы этого преступника.

8. Часто оперируемой противниками смертной казни по суду пятой заповедью «Не убивай» из Нагорной проповеди Моисея требует детального рассмотрения. Кого «не убивай»? Л.Н. Толстой, как известно, распространял требование этой заповеди не только на всех людей, но и на животных (сейчас бы сказали — на млекопитающих, но почему не на рыб, пресмыкающихся, птиц...?), потому и стал вегетарианцем.

Но и относительно «Не убивай» людей в главе книги «Исход», следующей за 10 заповедями (Исход 20:13–17), содержится ряд предписаний, прямо обязывающих убивать других людей. Их подборку произвел И.А. Крывелев. «Отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исход, 21: 23–25). «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти» (12). Если вол забодает человека и если притом «вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его был извещен о сем, не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то... хозяина его предать смерти» (29). «Если кто с намерением умертвит ближнего коварно, то и от жертвенника моего бери его на смерть» (14). Смерти должен быть предан тот, кто «украдет человека и продаст его, или найдет его в руках у него» (16). За родителей вообще очень легко подвергнуться смертной казни. Полагается предать ей не только того, кто ударит кого-либо из них, но и «кто злословит отца своего или свою мать» (15, 17)¹⁵.

Но, может быть, «Не убивай» относится лишь к людям своего народа, а процитированные Ветхозаветные предписания — к людям иных народов? Но известный дореволюционный ученый Г. Грец, автор 12-томной «Истории евреев», прямо пишет: «Спустившись в стан израильский и увидев народ свой пляшущим вокруг золотого тельца, Моисей пришел в страшный гнев и приказал оставшимся ему верным левитам убить несколько тысяч идолопоклонников. Он знал, что только такими экзекуциями и можно отучить израильтян от идолопоклонства»¹⁶.

Таким образом, следует констатировать: обоснование невозможности вынесения смертного приговора судом ссылкой на пятую заповедь «Не убивай» Нагорной проповеди (обобщение — на Христову заповедь) не представляется убедительной.

9. Может быть допущена следственно-судебная ошибка, и к смертной казни может быть приговорен с приведением этого приговора в исполнение невиновный в совершении инкриминируемого ему деяния (или их серии) человек. Такое, к сожалению, бывает, и этот аргумент, что называется, — убойный. Люди более старшего поколения хорошо помнят историю с серийным насильником и убийцей Чикатило, в 80-х годах прошлого века в Ростовской области совершившего 43 доказанных судом убийств (а сознался он в 56), изнасилований

¹⁵ Крывелев И.А. Библия: историко-критический анализ. М., 1985.

¹⁶ Грец Г. История евреев с древнейших времен до настоящего. Т. 1. Одесса, 1906. С. 73, 74 (цит. по: Крывелев И.А. Указ. соч. С. 190).

и убийств в основном несовершеннолетних. При этом за данные преступления были судом приговорены к различным срокам наказания невиновные граждане, а А. Кравченко приговорен к смертной казни (при этом данный приговор суда первой инстанции был отменен по его жалобе и дело было направлено на новое рассмотрение, но и там он вновь был приговорен к смертной казни, а последующие его жалобы были отклонены, и приговор был приведен в исполнение). Сам А. Кравченко тоже был убийца, но в совершении преступления, за которое он был приговорен к смертной казни, он был невиновен. Чикатило же обнаружили, задержали, осудили, и приговор привели к исполнению спустя немалое время. В БССР было сходное дело Михасевича, по которому до его выявления и задержания были осуждены несколько граждан, а двое были осуждены и расстреляны¹⁷. Были и еще случаи, не столь известные.

То есть приговорами суда, вынесенными от имени государства, были лишены жизни невиновные в инкриминируемых им особо тяжких преступлениях граждане этого государства. А вина их в совершении этих преступлений в ходе предварительного и судебного следствия была доказана; приговоры же эти, обжалованные в вышестоящие судебные инстанции, там «устояли». И где гарантии, что и сейчас ничего подобного нет, и не будет в будущем? Одна гарантия: суды сейчас не могут приговаривать кого бы то ни было и за что бы то ни было к смертной казни, соответственно, при отсутствии таких приговоров привести их в исполнение невозможно.

У смертной казни по суду есть и еще одна, по всей видимости, мало кем осознаваемая сторона, наглядно иллюстрируемая следующей авторской бытовой зарисовкой (которую, в принципе, можно охарактеризовать и в качестве полевого научного наблюдения). Знакомый автору судья, ныне — в отставке, был долгие годы судьей суда не первой инстанции и рассматривал долгие годы самые различные уголовные дела. Уже после выхода в отставку он, оказавшись несколько раз в неформальной обстановке вместе с автором этой статьи, впадал в истерику: на мне три смертных приговора, и я до сих пор не уверен, что каждый из этих приговоренных виновен. Наверняка эти сомнения посещали его и при осуществлении правосудия, и неоднократно. И хотя эти приговоры были вышестоящими судебными инстанциями «засилены», исходя из фабулы дел, они были адекватны содеянному преступниками, об этих делах, этих преступниках и этих приговорах скорее всего все давным-давно забыли — определенная психическая

травма у судьи, их вынесшего, образовалась тогда и не исчезла доныне.

Но в каком психологически комфортном (или, наоборот, дискомфортном) состоянии оказывались судьи, приговорившие к смертной казни невиновных людей за преступления, которые, как потом выяснилось (и судами было установлено), совершили упомянутые выше Чикатило и Михасевич? А если сегодня будет снят мораторий на смертную казнь по суду, разве психологическое состояние судей в схожих обстоятельствах принципиально будет иным? Практически в полном объеме то же следует отнести и к психологическому состоянию присяжных заседателей в процессе, где подсудимому «грозит» высшая мера наказания — в случае снятия указанного моратория. Там, конечно, присяжные сами не выносят смертный приговор, но своими ответами: «да, доказано...», «нет, снисхождения не заслуживает...» фактически санкционируют судье основание для вынесения такого приговора, даже в ситуации неединогласного голосования присяжными по этим вопросам. И они ведь тоже осознают, каков будет удар по их психике, если они дадут судье такую санкцию, тот вынесет смертный приговор, а потом выяснится — расстреляли не того, кого следует. А сотрудники правоохранительных органов, проводившие по этим делам предварительное следствие, дознание, первичные оперативно-розыскные мероприятия, сформировавшие доказательства для обвинения, как потом выяснилось, невиновных людей? Каково потом будет их психическое состояние? Да и вопрос об их ответственности за эти их действия, как юридической, так и профессионально этической, с повестки дня вряд ли стоит исключать.

Что же получается: во мнении нашего общества, во всяком случае — подавляющего его большинства, есть уверенность: нужно приговаривать судом к смертной казни за совершение конкретных преступлений серийных убийц, маньяков — насильников, педофилов, членов бандитских группировок, террористов, у большинства из них — смерти ни в чем не повинных людей, включая детей, зверства и крайняя жестокость... В глазах большинства членов нашего общества никто не отменил базовую установку: «Вор должен сидеть в тюрьме, а убийца и насильник лежать в могиле». При этом их судят не за то, что они такие — по своей природе, воспитанию, положению в преступной иерархии и т.д. — за прошлые преступления их уже осудили. Их судят за вновь совершенные преступления, а их отрицательные свойства души, преступные привычки и т.д. являются чертами их преступных характеристик.

И вот здесь-то у суда (и у общества) может (и, видимо, должно — в той или иной форме)

¹⁷ См. об этом: *Сороко В.* «Витебское дело» или двулика Фемида. Минск, 1993.

возникнуть сомнение: а со стопроцентной ли гарантией установлено — дознанием, предварительным следствием, в ходе проведенного судебного разбирательства с тщательным изучением, анализом и оценкой всех доказательств по данному делу — что данное конкретное преступление в отношении данной жертвы в данных конкретных обстоятельствах и т.д. совершил именно этот подсудимый. Ведь здесь ситуация уникальна — если будет допущена судебная ошибка, «засиленная» вышестоящими судебными инстанциями, и приговор будет приведен в исполнение, исправить ее уже будет невозможно, в отличие от всех иных видов приговоров.

Наверняка у большинства противников смертной казни по суду именно это соображение (абсолютно справедливое) превалирует при формировании их точки зрения по данному вопросу. Не в меньшей мере действенен подобный довод и в глазах сторонников смертной казни — вряд ли среди них есть тот, кто разделяет лозунг прежних времен: «Лес рубят...».

Вместе с тем наверняка среди противников смертной казни есть люди, которые никогда, ни при каких условиях не изменят свою на этот счет точку зрения. Это прежде всего те, кто уверен: если его ударят по левой щеке, нужно немедленно подставить правую. Что, в принципе, равносильно: отец жестоко изнасилованной, растерзанной и убитой группой пьяных и обкуранных негодяев, поблагодарив их за это, незамедлительно представит в их распоряжение свою другую, младшую дочь, предложив и с ней сделать то же, что сделали с её сестрой. Это какая-то редчайшая патология, извращение с обратным знаком, психологический «выверт», обусловленный скорее всего дефектами генетики или непознанным пока психическим заболеванием. Прислушиваться к их мнению, вне всяких сомнений, не следует, но нужно осознавать, что они были, есть и будут.

Поэтому можно уверенно, руководствуясь принципом справедливости, сказать: сама по себе юридическая возможность вынесения судом смертного приговора в отношении предельно четко закрепленных в законодательстве составов преступлений — наиболее ужасных, кровавых, обществом воспринимаемых как нетерпимые (а ведь в дилемме «за» или «против» смертной казни как высшей меры социальной защиты общества мнение общества — главный критерий), возможна, но при категорическом условии: вина подсудимого в совершении им инкриминируемого ему преступления (ряда преступлений) должна быть установлена абсолютными (!), стопроцентными доказательствами, а не совокупностью доказательств относительных. На современном этапе развития юридической науки,

всего научно-технического прогресса во всем мире это — невозможно.

Не только всевозможные судебные и иные экспертизы здесь, по самым различным причинам и основаниям, недостаточны, как и мало значимым является и признание самого подсудимого, даже данное под видеозапись в присутствии адвокатов, но даже такие научные достижения, как использование полиграфа (детектора лжи), пенталгина натрия (сыворотки правды), погружение в гипнотическое состояние... Все это — возможности получения может быть важных, но тем не менее лишь относительных доказательств.

К абсолютным доказательствам можно отнести: а) дактилоскопию — следы папиллярных узоров на пальцах человека абсолютно индивидуальны; б) результаты ДНК-анализа органических следов человека — они тем более строго индивидуальны. Но спектр их основы, хотя и абсолютен, но строго ограничен: ну установлено, что обвиняемый (подсудимый) касался пальцами такого-то предмета, ну установлено, что именно он курил именно эту сигарету, или именно он там плевался (мочился), даже — именно он вступал в половой контакт с жертвой... Но жизнь, реальная, а не в воображении кого-либо, столь многообразна, что впоследствии вполне может оказаться, что эти доказательства вину конкретного человека и не доказывают. Во всяком случае утверждать, что и эти виды доказательств являются абсолютными, стопроцентными, в будущем не могущими быть опровергнутыми (как доказывающими лишь часть чего-то более крупного), не следует.

Но это — сейчас, на современном этапе развития науки. В будущем, скорее ближайшем, чем отдаленном, в арсенале механизмов предварительного следствия и правосудия окажется прибор под названием «ментоскоп» (вариант — «верископ»¹⁸), стопроцентно гарантирующий доказательства, им фиксируемые как абсолютные. Речь идет о приборе, фиксирующем информацию, прежде всего визуальную и слуховую, поступившую человеку через его органы зрения и слуха в четко определенный период времени. Съём этой информации, поступившей к человеку в момент (период) совершения инкриминируемого ему преступления, причем — съём безболезненный, безвредный, с соответствующими гарантиями соблюдения прав человека, выведенный на дисплей названного прибора, и будет абсолютным доказательством вины или невиновности испытуемого. А значит — приговор суда по этому делу — обвинительный или оправдательный, будет гарантированно справедливым. И даже

¹⁸ Клеандров М.И. О ментоскопировании и иных абсолютных доказательствах в уголовном процессе // Государство и право. 2019. № 9. С. 7–16.

при стопроцентной доказанности вины подсудимого к смертной казни не должны категорически приговариваться несовершеннолетние, женщины, мужчины-инвалиды 1-й группы и мужчины старше 65 лет. Между прочим, кое-где за рубежом есть и иная практика. Так, в Иране Шалн Сандпур, которому в момент совершения в августе 2015 г. преступления — смертельного ножевого ранения человека, было 17 лет, 21 апреля 2020 г. был казнен по приговору суда, вынесенного в октябре 2018 г. При этом ст. 91 УК Ирана позволяет судьям по их усмотрению не выносить смертные приговоры несовершеннолетним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грец Г. История евреев с древнейших времен до настоящего. Т. 1. Одесса, 1906. С. 73, 74.
2. Кашенов В.П. Правовой режим смертной казни как исключительной меры уголовного наказания // Право на смертную казнь: сб. ст. М., 2004. С. 138–147.
3. Клеандров М.И. О ментоскопировании и иных абсолютных доказательствах в уголовном процессе // Государство и право. 2019. № 9. С. 7–16.
4. Крывелев И.А. Библия: историко-критический анализ. М., 1985. С. 190.
5. Михлин А.С. Высшая мера наказания: история, современность, будущее. М., 2000.
6. Право на смертную казнь: сб. ст. М., 2004.
7. Сороко В. «Витебское дело» или двуликая Фемида. Минск, 1993.
8. Терехин В.А. Суд в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека: теория и практика. М., 2013.
9. Хоменко Н.Н. Проблемы конституционно-правовой регламентации смертной казни в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.

10. Шелкоплас Н.А. Смертная казнь в России: история становления и развития (IX — середина XIX в.). Минск, 2000.
11. Шильцов С.В., Малько А.В. Смертная казнь в России. История. Политика. Право. М., 2003.

REFERENCES

1. Grets G. History of the Jews from ancient times to the present. Vol. 1. Odessa, 1906. P. 73, 74 (in Russ.).
2. Kashenov V.P. The legal regime of the death penalty as an exceptional measure of criminal punishment // The right to the death penalty: collected papers. M., 2004. P. 138–147 (in Russ.).
3. Kleandrov M.I. On metocopramide and other absolute evidence in criminal process // State and Law. 2019. No. 9. P. 7–16 (in Russ.).
4. Kryvelev I.A. The Bible: historical and critical analysis. M., 1985. P. 190 (in Russ.).
5. Mikhlin A.S. Capital punishment: history, modernity, future. M., 2000 (in Russ.).
6. The right to the death penalty: collected papers. M., 2004 (in Russ.).
7. Soroko V. "Vitebsk case" or two-faced Themis. Minsk, 1993 (in Russ.).
8. Terekhin V.A. The court in the state-legal mechanism of ensuring human rights and freedoms: theory and practice. M., 2013 (in Russ.).
9. Khomenko N.N. Problems of constitutional and legal regulation of the death penalty in the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Volgograd, 2004 (in Russ.).
10. Shelkopyas N.A. The death penalty in Russia: the history of formation and development (IX — mid XIX century). Minsk, 2000 (in Russ.).
11. Shiltsov S.V., Malko A.V. The death penalty in Russia. History. Politics. Law. M., 2003 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. — Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia